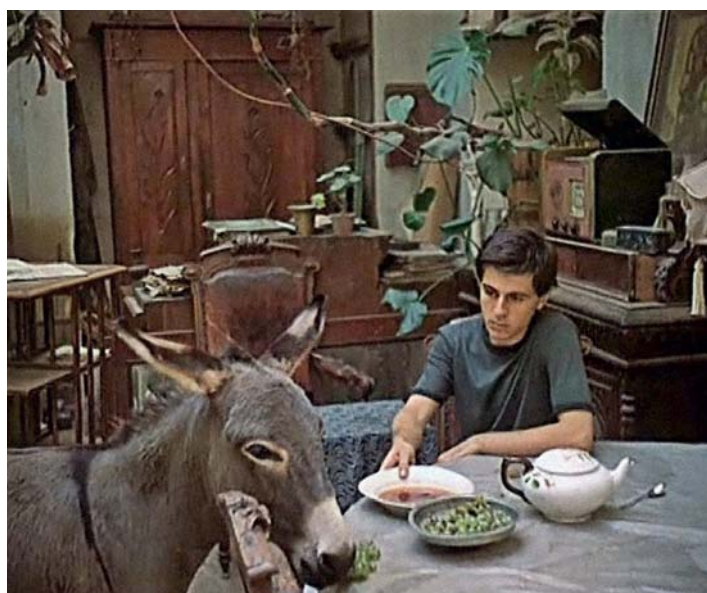

Методы грузинской критики

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ О «СТУПЕНИ»

АЛЕКСАНДРА РЕХВИАШВИЛИ

НА КАМЕНИСТОМ плоскогорье расположился на привал небритый мужик в пальто — сидя на чемодане, сумрачно и деловито поглощает консервы из банки.

Интеллигентному юноше Алекси приходится дважды повторить вопрос, «эта ли дорога ведет в село Замахеви», прежде чем едок ответится, сопроводив ответ неопределенным взмахом руки: «эта, эта дорога». Юноша удалится по дороге, никаких намеков на которую, хоть убейте, на экране не обнаружить. Мужик, отшвырнув пустую банку, зашагает в противоположную сторону. Финал «Ступени» Александра Рехвиашвили — что это, как не сардоническая издевка над финальным диалогом из «Покаяния» Тенгиза Абуладзе, который вскоре станет синонимом невыносимой пошлости благих режиссерских намерений.

«Скажите, эта дорога ведет к храму?» — «Нет, это улица Варлама, она не ведет к храму». — «Тогда зачем такая дорога, которая не ведет к храму?» Особенную прелесть издевке придает то, что Алекси сыграл Мераб Нинидзе: через считанные месяцы он прославится на весь мир ролью Торнике Аравидзе, внука сатанинского Варлама — Берии. Но в Грузии «Покаяние» (1984) уже видели все, кто хотел, а в СССР фразу о храме знают из экстатических статей о фильме. Высмеять ее, как это сделал Рехвиашвили, было, пожалуй, актом гражданского мужества. Авторы статей о нем злоупотребляют рассуждениями о возвышенном, а Алекси представляют юным идеалистом, борющимся с косностью застоя. А его отъезд из Тбилиси в пресловутые Замахеви — подвигом Прометея, несущего свет знания детям, которым вроде бы он собирается там преподавать ботанику. На самом деле «Ступень» — остроумнейшая и злая издевка над родовыми особенностями грузинского кино его золотого века — 1960–1980-х годов. Особенности, которые, скажем так, суть продолжение его бесспорных достоинств. Обаятельной безалаберности «Певчего дрозда» Отара Иоселиани, лубочным картинкам душевного быта старого Тбилиси, поэтике смутных толмений достается в «Ступени» еще почище, чем пафосу «Покаяния». «Что-то происходит со мной, но я

ОСТРОУМНЕЙШАЯ И ЗЛАЯ ИЗДЕВКА
НАД РОДОВЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ
ГРУЗИНСКОГО КИНО ЕГО ЗОЛОТОГО ВЕКА

не знаю, что это и куда это меня ведет». — «Что может быть лучше этого! Дальше всех пойдет тот, кто не знает, куда идет!» Это самый содержательный диалог в фильме, герои которого на любой вопрос предпочитают отвечать: «Не знаю». Какие-то люди в каких-то интерьерах заняты чем-то осмысленным, как ожидание Годо. Годо, между тем, уже здесь, и это Алекси, присутствия которого никто не замечает. Персонажи вырезают кружки из бумаги, что-то взвешивают, моются в той же комнате, где бесконечно пьют чай дамы в томных шляпках, заводят патефон, одалживают малярные кисти, играют сами с собой в лотерею, извлекают сотни билетиков из древнего кувшина. Приносят и запускают в подвал кошку: ее мы больше не увидим, зато в подвале попрут, как после атомного дождя, шампиньоны. Ничуть

не удивляются тому, что в квартиру приводят «пожить» ослика. Ослик ест виноград, пьет чай из тарелки и воду из-под крана. Потом в чайном блюде елозит невесть откуда взявшийся щенок. А был ли ослик? Озаботившись поисками пропавшего Алекси, его друзья — «От таких друзей в горы убежишь» — долго маются, не вставая с кресел, потом вздыхают: «Мы сделали все, что могли, и даже больше». Расходятся со спокойной совестью: если не избегать пафоса, то, пожалуй, спокойную совесть Рехвиашвили ненавидит. Можно задаться вопросом, снял ли он фильм об абсурде грузинской жизни, абсурде грузинской советской жизни или абсурде жизни как таковой. Ответ на него может быть только один: «А не все ли равно?».

1986 год